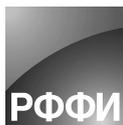

УДК 821.14.0
ББК 84(0)4
И 18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 19-112-00170, не подлежит продаже

Рецензенты:

д. и. н. М. В. Бибииков,

д. и. н. С. В. Близнюк

Иванов С. А.

И 18 Византийская культура и агиография. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 536 с. — (*Вклейка после с. 80.*) — (Studia historica.)

ISBN 978-5-907117-96-9

В книге «Византийская культура и агиография» собраны под одной обложкой сорок два текста, опубликованных доктором исторических наук, профессором НИУ ВШЭ С. А. Ивановым в виде статей в периодических изданиях и научных сборниках с 1992 по 2020 год. Лишь одна статья публикуется впервые, но при этом тринадцать были ранее напечатаны на иностранных языках и теперь впервые переведены автором на русский. В четырех разделах книги публикуются работы, посвященные различным аспектам византийской культуры и, специально, агиографии (то есть житийной литературы), а также византийско-славянским отношениям; заключительный раздел составляют работы по истории византиноведения. В статьях сборника даются первые издания восьми средневековых письменных памятников.

УДК 821.14.0

ББК 84(0)4

*В оформлении переплета использован лист 2v рукописи Coislin 79
Парижской Национальной библиотеки
«Иоанн Златоуст вручает книгу императору Никифору Вотаниату»*

ISBN 978-5-907117-96-9

9 785907 117969 >

© С. А. Иванов, 2020

© Издательский Дом ЯСК, 2020

Содержание

Предисловие	9
Раздел 1. Проблемы византийской культуры	11
1. Восприятие пределов империи: от Рима к Византии	13
2. Неожиданное свидетельство о ранневизантийской золотодобыче в славянской литургии <i>(в соавторстве с Т. В. Афанасьевой)</i>	25
3. «Царская гроза» в Византии	33
4. «Остроумие» в Византии: Eutrapelia	47
5. Антисемитизм в Византии?	65
6. Идентифицирующая надпись как исследовательская проблема	81
7. Подпись под изображением правителя как средство идентификации: от Античности к Византии <i>(предварительные замечания)</i>	92
8. Славянские скоморохи и византийский ипподром	104
9. Телеграф Льва Математика: от астрологии к сказке	111
10. Анонимный византийский географический трактат	118
11. «Не согрешишь — не покаешься»: о парадоксах спасения души на Руси и в Византии	131
Раздел 2. Византийская агиография	139
1. «Золотой век» византийской агиографии	141
2. Жития св. Анины и их историческая ценность	157
3. Святость украдкой: Никон Черногорец и «Евфимиева история»	170
4. Житие патриарха Иоанна Постника как исторический источник	176

5. Благочестивое расчленение: парадокс почитания мощей в византийской агиографии.	188
6. Житие неизвестной византийской святой-трансвестита: Евпраксия Олимпийская (в соавторстве с А. А. Пичхадзе) . . .	202
7. Уникальный образец средневизантийской лидийской агиографии: Житие Онисима Чудотворца	224
8. Славянский извод Жития Стефана Сурожского	246
9. К датировке Жития св. Нифонта (ВНГ, 1371 з)	258
10. «Душеполезная история» о раскаявшемся разбойнике (ВНГ, 1450 м)	264
11. Значение древнейшего славянского перевода и греческой рукописи Дионисиу № 107 для реконструкции оригинала Жития Василия Нового	275
12. Несколько замечаний о византийском контексте борисоглебского культа	294
13. Пространное Житие Климента Охридского и его автор	305
14. Неизвестное поствизантийское путешествие в потусторонний мир (в соавторстве с Л. А. Герд)	328
15. Древнерусская «Душеполезная повесть» с участием Андрея Юродивого (в соавторстве с А. М. Молдованом) . . .	358
 Раздел 3. Византийское влияние на славянский мир.	 389
1. Прокопий Кесарийский о военной организации славян (ὄμιλος στρατός στρατιά στρατεύμα)	391
2. Аваро-византийские войны конца VI в. в изображении Никифора Каллиста Ксантопула: новый источник?	405
3. Древнеболгарские надписи на фоне римских и византийских: проблема перформативности	410
4. Дионисий Византийский и нарратив о походе Руси на Царьград в 860 г.	418
5. Византийский нарратив о войне 941 г.	423
6. Новый источник о балканской кампании Руси в 970 г.	436
7. Спасти царя Соломона	444
8. Аланская маргиналия и точная дата битвы Иоанна II с печенегами (в соавторстве с А. М. Лубоцким)	447

9. Первое отождествление «росов» с русскими и датировка словаря Псевдо-Геродиана	456
10. «Речь тонкословия греческого» как исторический источник	460
11. «Адописные иконы» в контексте позднесредневековой русской культуры	479
Раздел 4. История науки	489
1. Византиноведение и власть в СССР (1928–1948).	491
2. Александр Петрович Каждан	502
3. Памяти Якова Николаевича Любарского.	508
4. Ушел последний духовный авторитет России. На смерть Сергея Сергеевича Аверинцева (10.12.1937–23.02.2004)	510
5. Памяти Геннадия Григорьевича Литаврина (1925–2009)	513
6. Талант, ответственность и радость жизни: Виктор Живов (в соавторстве с А. М. Молдованом).	519
7. Ушел величайший византинист мира. Памяти Жильбера Дагрона (26 января 1932 — 4 августа 2015)	529
Список сокращений	533

Предисловие

Почти все статьи, включенные в настоящий сборник, либо уже увидели свет в разное время, с 1992 по 2019 год, либо появятся в печати в ближайшие пару лет. Главным побудительным мотивом для сведения этих работ под одну обложку была некоторая тематическая близость, дающая, кажется, возможность составить их в единое целое. Основной же причиной, позволяющей мне избежать упрека в повторении уже пройденного, служит не только частичное обновление материала, но и то, что треть предлагаемых здесь работ изначально появились в печати не по-русски, опубликованы за границей и, возможно, оставались недоступны отечественному читателю. Переводя их, я, конечно, многое менял.

Необходимо пояснить принцип отбора статей для сборника. В 1980-х гг. я работал в основном как палеославист, и хотя материалом для меня оставались почти исключительно византийские тексты, целью моей все равно было выяснить что-то про древних славян (или средневековую Болгарию). Такие работы я сюда не включаю. Напротив, довольно много здесь будет статей, в которых исследуются церковнославянские тексты — однако лишь для того, чтобы узнать нечто ранее неизвестное как раз про Византию. Поэтому в дисциплинарном отношении сборник целиком византиноведческий.

На протяжении минувших лет я довольно много занимался двумя темами: историей культурной институции юродства и историей византийских религиозных миссий. И об одном, и о другом мною опубликованы не только по монографии, но и некоторое количество статей, в том числе выходявших после появления соответствующих книг. Однако для подобных работ место скорее в переизданной монографии, чем в настоящем сборнике, который как раз объединяет то, что **не** относится ни к одной из этих тем.

Нижеследующие работы подразделяются на четыре тематических кластера. Первый — это различные аспекты византийской культуры. Можно было бы назвать их категориями, но это слишком ответственно. Время для написания книги «Категории византийской культуры» пока не пришло — однако можно попробовать его приблизить, изучая отдельные, совершенно конкретные феномены, например «страх», «юмор», «антисемитизм» и т. д.

Второй кластер — византийская агиография, то есть историко-культурное изучение житийной литературы. Здесь есть как теоретические работы, так и исторические, но главным образом — публикации оригинальных византийских текстов, впервые вводимых в научный оборот. Обнаружение нового, никому не известного древнего текста — всегда немного сенсация: мы слишком мало знаем о Византии, поэтому каждый факт на вес золота.

Третий кластер — статьи о влиянии Византии на славянский мир. Здесь я старался подобрать работы, которые, хоть и посвящены отношениям с другими народами, целью имеют все же расширение наших знаний о самой Византии.

Наконец, последний раздел, самый скромный, занимают статьи по истории византиноведения как науки. Здесь собраны главным образом некрологи на великих ученых, с которыми я имел счастье быть знаком. Это не ритуальные славословия по принципу *aut bene aut nihil*, а попытки понять реальные пути развития этой отрасли знания.

Раздел 1. Проблемы византийской культуры

1.

Восприятие пределов империи: от Рима к Византии*

Когда ученый занимается историей давно прошедших эпох, он отдает себе полный отчет в том, что такие понятия, как, скажем, «феодализм», «класс», «мировоззрение», не были известны людям изучаемого времени, а являются узлами той координатной сетки, которую мы накладываем на объект исследования, чтобы лучше его понять. Когда византинист встречается в источниках такие слова, как «эон», «логофет дрома» или «эмфитевсис», ему совершенно ясно, что эти понятия не имеют аналогий в современности, а потому не могут быть переведены, но лишь истолкованы и должны остаться в своей фонетической оболочке. Однако гораздо больше таких понятий, которые на первый взгляд одинаково присущи всем эпохам, всем культурам и могут беспрепятственно переводиться с языка на язык. Здесь-то и таится опасность: ведь в действительности семантические контуры понятий меняются в пределах одного и того же языка не только с течением времени, но и от одного автора к другому в пределах отдельного хронологического отрезка. Что же говорить о разных языках, пусть даже современных. В этой перспективе становится ясно, насколько зыбка схожесть понятий, принадлежащих не только разным языкам, но и разным эпохам. Однако осознание этого факта ничего не меняет: мы учим язык по словарям, а они по самой своей сути нацелены на взаимоотождествление, поиски аналогий, а не различий. Чтобы перейти от знакомства с языком в первом приближении к глубокому изучению его как имманентной системы, как выражения стоящей за ним ментальности, нужно отрешиться от достающегося нам в готовом виде

* Впервые опубликовано: Славяне и их соседи. 1998. Вып. 8. С. 4–11.

обманчивого знания и подходить к языку определенного периода или конкретного источника как к совершенно незнакомому. Про каждое слово мы как бы заново должны задаваться вопросом, что оно значит. При изучении текстов, написанных на мертвом языке, ответ можно получить одним-единственным способом — совокупным рассмотрением **всех** контекстов, в которых встречается данное слово, и их последующей дистрибуцией¹. От слова можно перейти к понятию и попытаться реконструировать тот подчас замысловатый семантический контур, который в сознании человека прошлого соответствовал тому или иному нашему понятию. Обратный же ход рассуждений, т. е. априорное допущение, что какое-то современное понятие существовало в древности, и попытка подыскать в мертвом языке соответствующее слово ведут к неоправданной модернизации и в конечном счете к насилию над текстом.

Зададимся вопросом: можно ли в Византии найти эквивалент современному понятию границы? В наше время оно есть прежде всего понятие **билатеральное**, т. е. граница паритетным образом принадлежит двум соседящим странам; сейчас сухопутная граница одного государства — это всегда его граница с каким-нибудь другим. Современная граница есть особая линия, своим статусом разнящаяся от окружающих ее суверенных территорий. Хотя, например, Э. Арвейлер признает, что только восточная граница Византии (да и то лишь изредка) соответствовала нашему представлению о границе², тем не менее и она, и Д. Оболенский, и другие исследователи исходят из предположения, что имевшееся у византийцев понятие представляло собой недоразвитое наше. Пусть местами границу трудно было четко прочертить, пусть она являлась скорее зоной, чем линией, но все же и д е я границы была якобы той же самой. До логических последствий этот тезис доводят Дюно и Ариньон³.

¹ Бенвенист Э. Семантические проблемы реконструкции // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 332.

² Ahrweiler H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient // Actes du XIV congrès international des études byzantines. București, 1974. Vol. I. P. 226.

³ Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж. П. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // Виз. Вр. 1982. Т. 43.

Понятие границы было хорошо знакомо и ветхозаветной (см.: Чис. 34:2–13; Нав. 15:1–2), и древнегреческой⁴ традиции. Испокоон веков были известны и освящены множеством обрядов способы размежевания земельных наделов⁵. Что касается границ между крупными государствами, то их проводили чаще всего по рекам⁶. Лишь в исключительных случаях устанавливались пограничные знаки⁷ или прокапывались рвы⁸. Но нас больше всего интересует, как относились к границе римляне⁹. Хорошо известно, какое значение придавали они межеванию: на этот счет в римском праве существует множество установлений¹⁰. Однако границы всей римской земли воспринимались ими лишь как временный предел, до которого распространяется их власть на данный момент. Мир виделся исключительно объектом будущего завоевания¹¹. Только к I в. н. э., когда стремительное прежде расширение пределов империи замедлилось, у римлян стала появляться мысль о стабильности границ. Во времена Флавиев начинает складываться система пограничных валов и крепостей, так называемый Лимес¹².

⁴ См.: *Herodoti Historia*. I.72; *Thucydidis Historia*. II.12.2–3; *Strabonis Geographia*. III.5.5–6 и т. д.

⁵ Толстой Н. И. Граница // *Славянские древности*. М., 1994. Т. 1. С. 537–540.

⁶ *Scheliha R. von*. Die Wassergrenze im Altertum. Breslau, 1931.

⁷ *Sallustii Jugurtha*. 79; *Valerii Maximi* V.6.4.

⁸ *Plinii Naturalis Historia*. V.3.25.

⁹ О границах и их типах в разные периоды истории см.: *Lattimore J.* The Frontier in History // *Relationi del X Congresso Internazionale di scienze storiche*. Firenze, 1955. Vol. 1. О римских границах см.: *Christ K.* Römer und Barbaren in der höhen Kaiserzeit // *Saeculum*. 1959. Bd 10; *Wirth G.* Zur Frage der foederierten Staaten in der späteren römischen Kaiserzeit // *Historia*. 1965. Bd 14.

¹⁰ *Terminatio* // RE. 1934. Bd V, I, IX. Col. 779; *Confinium* // RE. 1900. Bd IV, I, VI. Col. 871; *Finis* // RE. 1909. Bd VI, II, XII. Col. 2325–2329.

¹¹ *Titi Livii* Ab urbe condita. XXXVI.17.35; *Vitruvii* De architectura. VI.1.10; *Ovidii Fasti*. II.683–684.

¹² *Kroll W.* Limes // RE. 1926. Bd XIII, I, XXV. Col. 574; *Gebert H.* Limes // *Bonner Jahrbücher*. 1910. Bd 119. В конституировании идеи Лимеса огромную роль сыграл выход империи к трем великим рубежам: Рейну, Дунаю и Евфрату. Там, где не было преграды в виде реки, наличие границы представлялось сомнительным: в частности, Тацит пишет о Рейне, который имеет четкое русло и «достаточен для